

УДК 82.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Основные принципы самостоятельного анализа лирического произведения на олимпиаде по литературе

Оксана Викторовна Дрейфельд

*Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия,
filoxenia@mail.ru; 0000-0002-3612-0237*

Аннотация

Цель этой статьи – выявить основные принципы и этапы самостоятельного анализа литературного произведения и обеспечить минимальный набор инструментов, необходимый для практического освоения читателями-школьниками старших классов или студентами процедуры анализа лирического стихотворного произведения. Материалом для анализа стали методики имманентного и интертекстуального анализа, описанные в работах литературоведов, прием лингвистического комментария; иллюстративным материалом был выбран текст стихотворения Е. Евтушенко «Два велосипеда», метод исследования проблемы – концептуальный и компаративный анализ, схематизация. Большинство олимпиад, включая Всероссийскую олимпиаду школьников по литературе, предлагают для выполнения задание по анализу текста литературного произведения – прозаического или поэтического. Анализ литературных произведений разных родов и жанров, разных культурных эпох и литературных направлений – это филологический навык, который требует умения использовать свои читательские впечатления, рефлексировать, выделять, сравнивать, сопоставлять элементы, обобщать сделанные наблюдения и истолковывать их. Представления о целостном анализе литературного произведения расширяются в статье за счет обращения к лингвистическому комментарию и интертекстуальному анализу. Интертекстуальный анализ помогает истолкованию литературного произведения в том случае, когда «внутренние», контекстуальные связи дополнены «внешними», связывающими этот текст с другими системой отсылок через цитаты, переключки образов, номинаций, героев, сюжетных мотивов, событий или даже элементов просодии (в лирике). Начало представляется сложным этапом в процедуре самостоятельного анализа текста литературного произведения, поэтому в статье освещаются разные методики начала анализа и демонстрируется их потенциал на материале стихотворения Е. Евтушенко «Два велосипеда». Автор приходит к выводу, что в самостоятельном анализе читателя-школьника обнаружению закономерностей в организации разных аспектов литературного произведения способствуют как моменты читательского «удивления», так и целенаправленное выделение фрагментов текста, их сравнение и сопоставление, поиск смысловых закономерностей и затем – интерпретация выявленных данных. В статье предложен краткий алгоритм, учитывающий основные аспекты анализа лирического стихотворного произведения.

Ключевые слова: самостоятельный анализ литературного произведения, Е. Евтушенко «Два велосипеда», интертекстуальный анализ, лингвистический комментарий в анализе художественного текста, художественный образ, целостный анализ текста на олимпиаде по литературе

Для цитирования: Дрейфельд О.В. Основные принципы самостоятельного анализа литературного произведения на олимпиаде по литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 147–154. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Basic principles of Independent Analysis of a Literary work at the Literature Olympiad

Oksana V. Dreyfeld

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation, filoxenia@mail.ru; 0000-0002-3612-0237

Abstract

The purpose of this article is to identify the basic principles and stages of an independent analysis of a literary work and to ensure a minimum set of tools necessary for practical development by readers-senior classes or students of the procedure for analyzing a lyrical poetic work. The material for the analysis was the methods of immanent and intertextual analysis described in the works of literary critics, taking a linguistic commentary; Illustrative material was chosen by the text of the poem by Ye. Yevtushenko “Two Bicycles”, the method of studying the problem – conceptual and comparative analysis, schematization. Most Olympiads, including the All-Russian School Olympiad in Literature, offers a task for the

analysis of the text of a literary work - prose or poetic. An analysis of literary works of different genera and genres, different cultural eras and literary areas are a philological skill that requires the ability to use their reader impressions, reflect, highlight, compare, compare elements, generalize the observations made and interpret them. The ideas about a holistic analysis of a literary work are expanded in the article due to an appeal to linguistic commentary and intertextual analysis. The intertextual analysis helps the interpretation of the literary work in the case when the "internal", contextual connections are supplemented by "external", connecting this text with other systems of references through quotes, roll calls, heroes, plot motifs, events, or even proxy elements (in lyrics in lyrics). The beginning of the analysis seems to be a complex step in the procedure for independent analysis of the text of the literary work, therefore, the article highlights different methods of the start of the analysis and demonstrates their potential on the material of the poem Evtushenko "Two Bicycles". The author concludes that in an independent analysis of the reader-schoolman, the detection of patterns in the organization of various aspects of the literary work contribute to both the moments of the reader's "surprise" and the purposeful highlighting of fragments of the text, their comparison and comparison, the search for semantic laws and, then, the interpretation of the identified data. The article proposes a short algorithm taking into account the main aspects of the analysis of the lyrical poetic work.

Keywords: independent analysis of a literary work, Ye. Yevtushenko "Two Bicycles", intertextual analysis, linguistic commentary in the analysis of a literary text, artistic image, holistic analysis of the text at the Literature Olympiad

For citation: Dreyfeld O.V. Osnovnyye printsipy samostoyatel'nogo analiza literaturnogo proizvedeniya na olimpiade po literature [Basic Principles of Independent Analysis of a Literary work at the Literature Olympiad]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 147–154 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Введение

Перед читателями-школьниками и студентами, обучающимися по программам филологической направленности, часто стоит задача проанализировать какое-то литературное произведение. По количеству запросов в поисковых системах в сети Интернет фраза «(Название произведения), анализ» по частотности находится на втором месте после запроса «(Название произведения), читать». Это говорит не только о том, насколько актуален для современных читателей навык самостоятельного анализа литературного произведения, но и о том, что он зачастую отсутствует.

Цель этой статьи – описать возможные варианты начала анализа лирического произведения, облегчающие научение читателей-школьников старших классов или студентов самостоятельному анализу. Большинство олимпиад, включая Всероссийскую олимпиаду школьников и внутривузовские олимпиады по литературе, предлагают для выполнения задание по анализу текста литературного произведения – прозаического или поэтического. Часто материалом для анализа становятся произведения современных авторов [1]. Существуют ли определенные принципы, которые могут использоваться для анализа как классических, так и современных лирических стихотворных произведений? Можно ли выработать какие-то алгоритмы для анализа, позволяющие научить самостоятельному анализу текста и помочь в его истолковании? Какие виды анализа наиболее продуктивны в самостоятельной деятельности читателя-школьника? Попробуем ответить на эти вопросы насколько возможно более полно в рамках статьи.

Материал и методы

Теоретическую основу работы составили труды отечественных литературоведов Н.Д. Тамарченко [2], В.И. Тюпы [3], С.П. Лавлинского [4], Л.Ю. Фуксона [5]. Многолетние исследования кемеровской школы теоретической поэтики послужили также основой практико-ориентированного подхода к анализу литературного произведения в русле бахтинской эстетики словесного творчества. Имманентный анализ, не выходящий за пределы самого литературного произведения [6], позволяет объективно изучить основные принципы устройства конкретного произведения словесного творчества. Объяснение порождаемых произведением читательских реакций через обнаружение закономерностей в устройстве произведения [7] в свою очередь помогает решить еще несколько задач: истолковать смысл произведения; обоснованно, т. е. объективно, определить типологические характеристики произведения (род, жанр, тип художественности, принадлежность к литературной эпохе или направлению и т. п.) [8, с. 129]. Адекватность анализа проверяется через соответствие сделанных выводов тексту произведения [9].

Эта процедура предполагает действия, общие для всякого научного анализа: фиксацию наблюдений над текстом произведения; выделение отдельных элементов и их описание; сравнение, сопоставление элементов; выделение закономерностей; истолкование полученных результатов [10, с. 7].

Материалом для анализа стали методики имманентного и интертекстуального анализа, описанные в работах исследователей; иллюстративным материалом был выбран текст стихотворения

Е. Евтушенко «Два велосипеда», метод исследования проблемы – концептуальный и компаративный анализ, схематизация.

Результаты и обсуждение

Для моделирования ситуации, в которой необходимо произвести самостоятельный анализ литературного произведения, и выявления алгоритма самостоятельного анализа обратимся к стихотворению Е. Евтушенко «Два велосипеда» [11].

Что сигналили вспышками
велосипедные спицы
всем далеким планетам
с тропы в изумленном лесу?
Что подумали бабочки,
чуть не разбившись о лица?
Что с утра загадали педали,
с травы собирая росу?
Что летящие по ветру девичьи волосы пели
под шипение шин по тропе,
и под пение птиц?
Что там делают два заплутавшие велосипеда,
на боку отдыхая
в подглядывающих цветах?
и молочные сестры-березыньки
шепчутся простоволосо,
и, как будто бы сдвоенная душа,
двух нежнейше обнявшихся велосипедов колеса
продолжают вращаться,
о воздух смущенный шурша.
И уходит на цыпочках в чащу
медведь косолапый,
увидав, что за игры сейчас
эти двое в траве завели,
и в звонок на руле
забираются самой тишайшею сапой
муравьи,
словно рыжие крошечные звонари.
Это ты,
это я,
только под именами другими
ненасытно прижались к земле
и – щекою к щеке,
будто мы от планеты себе островок отрубили
и упали друг в друга
на этом ромашковом островке.
И когда нас не будет –
любовь нам придумает
каждому новое имя,

и мы въедем на велосипедах не в смерть,
а в иное совсем бытие,
снова ты,
снова я,
только под именами другими,
и прижмемся к земле,
и земля не отпустит с нее [12].

В процессе чтения этого текста внимание читателя может остановиться на некоторых вызывающих удивление словесных образах, моментах переживания, строфической или иной организации текста и т. д. (об этом подробнее см. [13, с. 100–129]). Каждый из этих моментов удивления нужно оформить в вопрос [13, с. 225–243] и попробовать найти ответы на эти вопросы в тексте, во взаимосвязи словесных образов в контексте. Например, такими вопросами, начинающими анализ, могли бы стать следующие: почему первая строфа состоит из вопросов? Кто их задает и знает ли спрашивающий ответы? Нужно найти ответы или это риторические вопросы, не требующие ответа? Или, например: почему велосипеды показаны именно так: сначала спицы, потом педали, потом шины, потом уже сами велосипеды? Есть ли в тексте моменты взгляда/видения, похожего на такое близкое разглядывание? Кто или что смотрит на велосипеды в первой и второй строфах? Или таким ключевым вопросом вполне мог бы стать следующий: почему упоминание «ты» и «я» появляется только во второй строфе? Что меняется в тексте после появления «я» и «ты»? Созданию какого переживания читателя способствует наблюдение за миром «без личности» некоего «я» (как в первой строфе), которое неизбежно фокусируется на личном восприятии или переживании (как во второй строфе)?

Другой вариант начального вопроса, более формального, концентрирует внимание на повторяющихся деталях или любых повторах в структурах разного уровня. Поиск контекстуального значения этих повторов ведет к обнаружению присущих этому тексту смысловых взаимосвязей [14]. Так можно обнаружить «парность» велосипедов, которая повторяется в образах «ты» и «я». Можно заметить повторяющуюся «одушевленность» всех деталей изображенного мира («заплутавшие велосипеды», «изумленный лес», «сестры-березыньки», «муравьи-звонари» и др.), создающую образ одушевленного природного мира, частью которого стали (или хотели бы стать вновь) «я» и «ты». Можно заметить, что «летающие по ветру девичьи волосы» повторяются в образе «простоволосых сестер-березыnek», и это повторение концентрирует переживание читателя на некой свободе, неге, открытости миру, которые связаны в тексте с состоянием любви, моментом объятия, близости.

Этот шаг, инициирующий непосредственные наблюдения над текстом и организацией «внутреннего мира», весьма ценен для анализа, поскольку наблюдения служат своеобразной лупой, с которой исследователь подходит к тому, как текст воздействует на читателя и благодаря чему это происходит. По словам С.М. Бонди, «анализ «требуется, чтобы под каждое (наблюдение) была подведена объективная база, чтобы всякий раз найдена была... в самом тексте... та специфическая закономерность, которая и вызывает данное... впечатление» [15, с. 101].

Наиболее формальный подход, которому часто следуют приступающие к анализу текста читатели-школьники или студенты, концентрирует внимание на разных литературоведческих или стиховедческих аспектах описания и исследования литературного произведения. В отношении к рассматриваемому тексту это могут быть вопросы, актуализирующие как «внутренние», так и «внешние» связи текста:

1. Как организован хронотоп в стихотворении (выпишите все детали, характеризующие организацию пространства и времени)? Какова роль «природных» образов в организации пространства и времени в первой строфе стихотворения? Однородны ли пространство и время или они распадаются на отдельные участки («миры»)? Каково соотношение «миров» во второй строфе? Меняется ли оно по сравнению с первой строфой?

2. Как изображается субъект лирического высказывания и его переживание мира в стихотворении? Как средства звуковой изобразительности и стихотворной организации текста (строфика, рифмика и др.) участвуют в организации образных рядов (цепочек), лирического сюжета? Какие особенности звуковой организации значимы для сближения/противопоставления образов? Какова функция необычной лексики? Почему во второй строфе появляется мотив «нового имени»? Как повторы на разных уровнях организации поэтического текста создают образ возлюбленных [16, с. 22–26]?

3. Определите событие (события) лирического сюжета и, основываясь на них, выдвиньте предположение о близости стихотворения «Два велосипеда» к определенному жанру. Встречались ли ранее в мировой культуре хронотопы, основанные на близости мира героев-возлюбленных с природой, на противопоставлении их мира всему остальному миру («будто мы от планеты себе островок отрубили»)?

4. Какие еще мотивы значимы для стихотворения Е. Евтушенко? Какие интертекстуальные отсылки влияют на восприятие этого произведения и каково их назначение в тексте?

Вопрос, часто возникающий перед читателем в процессе самостоятельного анализа литературного

произведения: что важнее, внутренние или внешние связи литературного произведения? Мы указали ранее, что в процессе самостоятельного анализа произведений важно устанавливать смысловые связи элементов — выявлять их сопоставление и противопоставление в авторской картине мира, определять смысловые связи образов в образном ряду или системе образов. При этом мы говорим о внутренних связях текста.

В то же время в процессе чтения, анализа и истолкования произведений читатели часто встречают внешние ассоциации. Они возникают благодаря тому, что ни один текст не существует вне культурной традиции, а многие произведения связаны также и с древнейшей культурной традицией.

Внутренние связи элементов в произведении обозначают как контекстуальные. А внешние отсылают к другим произведениям — литературным, театральным, живописным, фольклорным или универсальным ситуациям человеческого существования, которые известны через повторение в разных мифологических и религиозных системах. Внешние связи — между текстами культуры, произведениями разных искусств — называются интертекстуальными [17].

Чаще всего текст сам называет другие тексты или их узнаваемые элементы. Тут не обойтись без знания этого указанного текста. Но даже если нет такой буквальная переклички с культурным контекстом, бесчисленными связями с ним скреплено любое произведение. Например, в стихотворении Е. Евтушенко, где возлюбленные испытывают абсолютную близость друг к другу и к природе, где даже неприродное природно (как велосипеды) и священо (в силу освящающей силы любви, присутствующей самой жизни), образ мира порождает ассоциацию с идиллическим миром множества классических произведений, где показана интимность, близость любящих, как бы отъединенных от «большого» мира в свой «маленький» мир.

Однако все эти внешние связи были бы неправомочны, если рассматривать их отдельно. Они всегда опосредованы *внутренними* связями, преломлены в фокусе конкретного литературного произведения и только в этом случае должны привлекаться при анализе.

Наряду с цитированием, порождающим прямые переклички между текстами, существует и другая их соотнесенность, не определяемая сознательным художественным заданием. По словам Л.Ю. Фуксона, когда воспроизводится не текст как источник образов, сюжетных ситуаций, картины мира, а жизненное событие, многократно повторенное на протяжении истории культуры, смысл зафиксирован в виде «архетипа» [18].

Отсылка к другому тексту всегда означает важность этого другого текста в контексте произведе-

ния [19]. Это значит, необходимо выявить зону их взаимодействия, оставляя в качестве основного объекта анализа цитирующий текст. Традиционно мы наблюдаем присутствие цитат как повод для диалога текстов в эпиграфах.

Когда нужно привлекать лингвистический комментарий в анализе литературного произведения? С точки зрения лингвистики, литературное произведение – это особый тип текста – художественный текст. Лингвистический анализ направлен на все языковые единицы, составляющие художественный текст. Основная задача такого анализа – определить значение всех единиц, которые выделяются стилистически, типом лексического значения, эмоционально-экспрессивной оценкой, маркированностью по сравнению с какой-либо нейтральной языковой нормой, а также повторяемостью в художественном тексте.

Некоторые ученые-лингвисты предлагают определять и «эстетическую функцию» этих средств. Но собственно у лингвистики нет инструментов для работы с «эстетической функцией». Почему так?

Художественный текст (текст литературного произведения) представляет (репрезентирует) реальность. Но это не действительная реальность, окружающая нас, а вымышленная. Мы узнаем в ней элементы реальности, потому что вымышленная реальность комбинируется на основе узнаваемых концептов. Однако их комбинирует авторское воображение, авторский замысел управляет этой комбинацией, зачастую существенно преобразуя концепты. А главное – цель этой комбинации – воссоздать не отдельное событие или переживание, но вместе с ними и весь образ вымышленной реальности [20].

Поскольку эта реальность, возникающая посредством чтения текста литературного произведения, виртуальная, только напоминающая действительную, но подчиненная другим законам, то и слова получают непривычные свойства. Во-первых, слова могут получить другое значение в зависимости от тех концептов, которые автор объединил для выражения своей виртуальной реальности. При анализе выбранного текста Е. Евтушенко можно привлечь также *лингвистический комментарий*.

Имея дело со знаками (например, словесными, фонетическими и другими), читатель в то же время имеет дело и со словесными образами. Читатель (или слушатель) этого стихотворения реагирует не на сами слова (или их значение по отдельности), а на образы, которые возникают в его сознании посредством восприятия текста.

Например, вторая строфа начинается со строк «и молочные сестры-березыньки / шепчутся простоволосо». Здесь используется просторечная форма слова «березыньки», и она откликается дальше,

в третьей строфе, где появляется философское, но в просторечном звучании слово «бытиё». Момент частной близости переосмысливается в контексте универсальной темы человеческого существования, – смерти, любви и бессмертия. Любовь благодаря этому контекстуальному сближению ласкового «березыньки» и просторечного «бытиё» показана не как «книжное», но как всем близкое и понятное состояние родства и единства не только двух любящих – всего мира, испытывающего нежность к любящим. Это переживание близости поддерживается и образом «молочных сестер-березынок», которые и белы, как молоко, в то же время сродственны, как «молочные» дети одной кормилицы. Этот пример показывает, что там, где необходим лингвистический комментарий, все-таки важно помнить о таком свойстве художественного образа, как многозначность, способность в контексте художественного целого реализовывать несколько значений одновременно.

Можно ли найти оттенки этих значений в словаре? Нет. Такое значение у этих слов возникает оттого, что они объединены и представляют нам некую виртуальную, вымышленную, по сути, реальность, возникающую только в процессе чтения этого текста. Вот эта оценка, реализованная в сцеплении слов друг с другом, порождает определенную реакцию читателя или слушателя данного стихотворения.

Похожий пример можно найти в стихотворении М. Цветаевой (1919), где рядом стоят слова, которые в нехудожественных текстах рядом стоять не могут по законам языка. Вот начальная строфа:

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,
Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным так далеко – далёко.

Слова «далеко» и «далёко» – это стилистические варианты, один из них принадлежит литературному языку – «далеко́», а другой – разговорному, просторечному – «далёко». Почему они здесь рядом? Присмотревшись, можно увидеть, что «далёко» – это такое «устное» слово, которое отсылает к фольклорной традиции, к сказкам, например.

То, что некое «я» в этом стихотворении обращается к некоему «ты», связано с ситуацией забывания. Это забывание обозначается с помощью словесного образа «затерянности» в глубине памяти, и затерянность в глубине пространства памяти носит не просто характер удаления воспоминания «далеко», а удаления воспоминания на такую даль и глубину, которая бывает только в сказках – «далёко». И из настоящего эта даль кажется такой глубокой, что уже нереальной, т. е. воспоминание превращается в образ чего-то небывшего, сказочного, может

быть, причудившегося. Для «я» в этом стихотворении предмет переживания и осмысления – это тоже ситуация ухода воспоминаний в некое прошлое, больше похожее не на временной пласт, а на пространство: «я» смотрит на «голубооую» даль памяти «ты» и обращается к «ты» несколько старомодным языком – «прелестное создание», как бы заранее помещая их общее настоящее в точку прошлого. Получается, что и обращение «прелестное создание», и слово «далёко» контекстуально связаны этим смыслом «погружения переживания из настоящего в почти нереальное прошлое», которое «я» совершает уже сейчас, используя для этого стилизацию старинного и фольклорно-сказочного языка.

Рассмотренные нами принципы анализа предполагают, что они едины для произведений классической и современной литературы. На практике часто необходимо проанализировать какой-то конкретный аспект поэтики произведения или провести анализ, опираясь на определенный метод (жанровый анализ, интертекстуальный, мотивный анализ). Цели этих процедур тоже разные.

Поскольку литературным материалом в статье были лирические стихотворные произведения, используя известные нам аспекты поэтики, определим примерный алгоритм анализа, который можно применить к любому лирическому стихотворному произведению (подробнее об анализе эпических и драматических произведений см. [21]):

1. Проанализируйте, кто является в стихотворении субъектом сознания и речи. Определите, это «лирический субъект», «лирический герой», «герой ролевой лирики» [8]? Если Вы наблюдаете присутствие нескольких субъектов сознания и речи, подумайте, с чем это связано?

2. Исходя из анализа первой строфы стихотворения, попытайтесь обозначить набор жизненных ценностей лирического героя (или лирического субъекта), охарактеризовать хронотоп, в котором он находится, его эмоциональное состояние. Можно ли говорить о том, что на протяжении стихотворения происходит смена реакции лирического героя (или субъекта) на определенные ценности бытия или же сохраняется некая устойчивая форма его эмоционального поведения? Как смена пространственно-временных объектов, возникающих в сознании (воображении, памяти) лирического героя (или субъекта), связана с пересмотром им определенных жизненных ценностей?

3. Попробуйте описать «образ языка» лирического героя (или субъекта) и проследить, меняется ли он по ходу развертывания переживания (от первой строфы стихотворения к последней). Если меняется, то как? В чем Вы видите смысл такого изменения?

4. Входят ли в образные цепочки стихотворения интертекстуальные (мифологические, культурные, литературные образы персонажей, сюжетов, деталей, типов высказывания) образы? Какое место они занимают в сознании лирического героя (или субъекта). Если нет четких признаков осознания лирическим героем этих культурных образов, скорее всего, они «не видны» ему и являются частью «кругозора» автора и читателя.

5. Какие формы выражения авторского сознания вы находите в данном лирическом произведении? Как смысл заглавия помогает Вам в определении авторской позиции по отношению к переживанию лирического героя (или лирического субъекта)?

6. Пронаблюдайте за звуковыми образами стихотворения. Есть ли здесь значимые повторы звуков (согласных, гласных), внутрискрифмы, анафоры, эпифоры, рефрены? Присутствуют ли неожиданные переносы слов из одного стиха в другой или из одной строфы в другую? Проскандируйте стихотворение. Звучат ли в нем неожиданные пропуски ударения на ожидаемых местах или, напротив, есть дополнительные ударения, на какие слова они выпадают? Есть ли повтор синтаксических конструкций, повтор строк? Выделите закономерности в повторениях каждого типа. Определите их художественную функцию.

Выводы

Итак, в самостоятельном анализе читателя обнаружению закономерностей в организации разных аспектов литературного произведения способствуют как моменты читательского «удивления», так и целенаправленное выделение фрагментов текста, их сравнение и сопоставление, поиск смысловых закономерностей, выявление внешних связей и затем – интерпретация выявленных данных; также эффективным подходом в самостоятельном анализе текста будет и анализ отдельных аспектов поэтики произведения, лингвистический комментарий и прояснение интертекстуальных смысловых взаимосвязей.

Список источников

1. Кучина Т.Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 212–220. doi: 10.51762/IFK-2021-26-02-18
2. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: введение в курс. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2006. 208 с.

3. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
4. Лавлинский С.П. О горизонтах «живого восприятия» и «честного чтения» в школьном литературном образовании // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 160–168.
5. Фуксон Л.Ю. Начало чтения // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 384–388. doi: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-384-388
6. Фуксон Л.Ю. Чтение рассказа Л. Толстого «После бала» // Дискурсивность и художественность: к 69-летию Валерия Игоревича Тюпы: сб. науч. тр. М.: Изд-во Ипполитова, 2005. С. 224–230.
7. Фуксон Л.Ю. Художественный космос как предмет толкования // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 49–55. doi: 10.17223/18137083/77/4
8. Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. 226 с.
9. Фуксон Л.Ю. Толкования. Кемерово, 2006. 199 с.
10. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Академия. 2004. 192 с.
11. Евтушенко Е.А. Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1990. 190 с.
12. Евтушенко Е. Без заголовка // Арион. 1996. № 2. 130 с.
13. Лавлинский С.П. Комплексный подход к анализу произведения на уроке-диалоге / Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход (учебное пособие). М.: ИНФРА-М, 2003. 384 с.
14. Шенгели Г. Техника стиха. М.: Гослитиздат, 1960. 312 с.
15. Бонди С.М. О ритме // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1977. Т. 1976. С. 100–129.
16. Тамарченко Н.Д. Скрытая цитата как отсылка к жанровой традиции: Достоевский и Пушкин // Память литературного творчества. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2014. С. 294–308.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
18. Фуксон Л.Ю. Виды связей // Чтение. Кемерово, 2006. 223 с.
19. Ахметова Г. А. Аналитические задания на Всероссийской олимпиаде по литературе: интертекстуальные смыслы // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 2. С. 485–489. doi: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.37
20. Лотман Ю.Н. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
21. Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.

References

1. Kuchina T.G. Sovremennaya russkaya poeziya v olimpiadnykh zadaniyakh po literature [Modern Russian Poetry in Olympiad Assignments in Literature]. *Filologicheskij klass – Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 212–220 (in Russian). doi: 10.51762/IFK-2021-26-02-18
2. Tamarchenko N.D. *Teoreticheskaya poetika: vvedeniye v kurs* [Theoretical Poetic: Introduction into the course] Moscow, Rossiyskiy gosudatrstvennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2006. 208 p. (in Russian).
3. Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of Literary text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
4. Lavlinskiy S.P. O gorizontakh “zhivogo vospriyatiya” i “chestnogo chteniya” v shkol’nom literaturnom obrazovanii [About the horizons of “live perception” and “honest reading” in school literary education]. *Filologicheskij zhurnal – Philological Bulletin*, 2006, no. 1 (2), pp. 160–168 (in Russian).
5. Fukson L.Yu. Nachalo chteniya [Start of reading]. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2024, vol. 34, no. 2, pp. 384–388 (in Russian). doi: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-384-388
6. Fukson L.Yu. Chteniye rasskaza L. Tolstogo “Posle bala” [Reading the story by L. Tolstoy “After the Ball”]. *Diskursivnost’ i khudozhestvennost’: k 69-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy: sbornik nauchnykh trudov* [Discursivity and artistry: On the 69th anniversary of Valery Igorevich Tyupa: collection of scientific papers]. Moscow, Ippolitov Publ., 2005. Pp. 224–230 (in Russian).
7. Fukson L.Yu. Khudozhestvennyy kosmos kak predmet tolkovaniya [Artistic Space as a Subject of Interpretation]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 49–55 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/77/4
8. Tyupa V.I. *Analitika khudozhestvennogo (vvedeniye v literaturovedcheskiy analiz)* [Analytics of fiction (introduction to literary analysis)]. Moscow, 2001. 226 p. (in Russian).
9. Fukson L.Yu. *Tolkovaniya* [Interpretations]. Kemerovo, 2006. 199 p. (in Russian).
10. Magomedova D.M. *Filologicheskij analiz liricheskogo stikhotvoreniya* [Philological analysis of lyric poetry]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 192 p. (in Russian).
11. Yevtushenko Ye.A. *Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 190 p. (in Russian).
12. Yevtushenko Ye. Bez zagolovka [Without a title]. *Arion*, 1996, no. 2 (in Russian).
13. Lavlinskiy S.P. *Tekhnologiya literaturnogo obrazovaniya. Kommunikativno-deyatel’nostnyy podkhod (uchebnoye posobiye)* [Technology of literary Education: Communicative and Activity based approach (learning book)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 384 p. (in Russian)

14. Shengeli G. *Tekhnika stikha* [Technique of verse]. Moscow, 1960 (in Russian).
15. Bondi S.M. O ritme [About the rhythm]. *Kontekst. Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya*, vol. 1976, pp. 100–129 (in Russian).
16. Tamarchenko N.D. Skrytaya tsitata kak otsylka k zhanrovoy traditsii: Dostoevskiy i Pushkin [Hidden quotation as a reference to genre tradition: Dostoevsky and Pushkin]. In: *Pamyat' literaturnogo tvorchestva* [Memory of literary creativity]. Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Publ., 2014. Pp. 294–308 (in Russian).
17. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. In: *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1998. Pp. 14–285 (in Russian).
18. Fukson L.Yu. *Chteniye* [Reading]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 223 p. (in Russian).
19. Akhmetova G.A. Analiticheskiye zadaniya na Vserossiyskoy olimpiade po literature: intertekstual'nyye smysly [Analytical tasks at the all-Russian Olympiad for schoolchildren in Literature: intertextual meanings]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 485–498 (in Russian). doi: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.37
20. Lotman Yu.N. *Kommentariy k romanu Pushkina "Evgeniy Onegin"*. *Kommentariy: posobiye dlya uchitelya* [Commentary on Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentary: A Manual for Teachers]. Leningrad, Prosveshcheniye Pub., 1983. 416 p. (in Russian)
21. Malkina V.Ya. Tipologiya liricheskikh sub'yektov [Typology of lyrical subjects]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2023, no. 4 (67), pp. 20–31 (in Russian).

Информация об авторе

Дрейфельд О.В., кандидат филологических наук, Кемеровский государственный медицинский университет (ул. Ворошилова, 22а, Кемерово, Россия, 630003).

E-mail: filoxenia@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3612-0237, SPIN-код: 9605-6551; Scopus Author ID: 58997397200.

Information about the author

Dreyfeld O.V., Candidate of Philological Sciences, Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation (ul. Voroshilova, 22a, Kemerovo, Russian Federation, 630003).

E-mail: filoxenia@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3612-0237, SPIN-code: 9605-6551; Scopus Author ID: 58997397200.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 10.11.2024; accepted for publication 03.04.2025